

— Какой он ребенок?! - прохрипел Ду Цюань, исказив лицо от ярости. - Кормили его больше десяти лет - даже собака за это время стала бы послушной! Сегодня осмелился перечить евнуху Паню, а завтра что - взбунтуется?! Бейте его до смерти!

Управляющий Линь жестом остановил слуг, продолжая уговаривать:

- Да, он поступил глупо, но если вы его сейчас замучаете до смерти, это ничего не изменит. Да и евнуху Паню ведь придется дать объяснения? Его жалкая жизнь ничего не стоит, но если у него не останется объекта для гнева, он может обрушить его на вас.

Ду Цюань, тяжело дыша с налитыми кровью глазами, понимал правоту слов управляющего, но злость душила его. Он свирепо уставился на подвешенного Цюй Чэньчжоу, а затем выхватил у слуги плеть.

Услышав свист в воздухе, Цюй Чэньчжоу инстинктивно отклонил голову. Удар пришелся по касательной - от ключицы до ребер. Кровь выступила мгновенно. Боль перехватила дыхание, но он стиснул зубы, не издав ни звука.

Именно это молчаливое упрямство бесило Ду Цюаня больше всего.

- Применяйте тяжелую плеть, бейте нещадно! Если не сможем дать удовлетворительного объяснения евнуху Паню - всем несдобровать! - бросил он, уходя.

Когда шаги за дверью затихли, управляющий Линь наконец расслабился. Глядя, как кровь стекает по спине юноши, он испытывал досаду и жалость:

- Чэньчжоу, ну сколько тебе лет? Как можно быть таким неразумным? Разве прежние побои ничему не научили? Как ты мог перечить самому Паню? О чем ты думал?..

- Господин Линь... - бледный от боли, с дрожащими губами, юноша едва выговорил: - Скажите... сколько мне лет?

Управляющий опешил:

- Ты что, в самом деле забыл? Тебе четырнадцать, разве не помнишь?

Цюй Чэньчжоу опустил голову, замолчав.

Да, четырнадцать. Именно в этом возрасте он впервые встретил Пань Хэ.

Но теперь, неожиданно вернувшись в этот переломный момент, он не стал гадать для Пана,

как делал в прошлой жизни. И события, казалось, пошли иным путем.

Управляющий Линь покачал головой, прекратив разговоры, и приказал слугам:

- Хозяин велел применить тяжелую плеть, чтобы хотя бы сохранить лицо перед евнухом Панем.

Он вздохнул:

- Начнем по старому порядку, но в двойном размере.

"Старый порядок"...

Цюй Чэньчжоу замер. Эти правила казались такими далекими, но он выучил их наизусть еще ребенком и забыть не мог.

Слуга взмахнул плетью.

Здесь не было изощренных дворцовых методик - "тяжелая плеть" означала именно тяжелую плеть.

Тело юноши дернулось под ударом. Холодный пот выступил на лбу. Боль была настолько реальной, что ее едва можно было вынести.

"Двойной размер" означал, что за каждый пункт правил он получит два удара.

После первых двух ударов он еле перевел дух и начал перечислять:

- Первое: запрет на побег...

- Ага, первое же правило нарушил! - управляющий Линь злился и переживал одновременно. - Продолжай!

Еще два удара обрушились на худую спину.

- Второе: запрет на ложь... Третье: запрет на утаивание... Четвертое: запрет на отказ отвечать...

Каждый пункт сопровождался ударами. Даже когда боль лишала его голоса, слуга ждал, пока он соберется с силами, и бил снова.

К двадцать пятому пункту, получив пятьдесят ударов, он потерял сознание. Штаны пропитались кровью.

Управляющий Линь распорядился не будить его, а просто продолжить экзекуцию. Потом велел обтереть тело. Ду Цюань пожалел бы лекарств, поэтому управляющий тайком приготовил мазь.

От прикосновений к рваным ранам Цюй Чэньчжоу очнулся.

Управляющий Линь, наблюдая за лекарем, вытер ему лицо от пота и крови.

- Чэньчжоу, хозяин сегодня в ярости. Я не могу отпустить тебя без его приказа. Да и с такими ранами ты все равно не ляжешь. Потерпи. Если евнух Пань будет доволен, возможно, гнев хозяина скоро утихнет.

- Благодарю... господина Линя... - прошептал юноша, уже на грани.

Веревки ослабили, позволив ему встать на ноги, но не сняли полностью.

- Больше я ничем не могу помочь. Держись. Завтра у хозяина праздник - я пришлю тебе еду.

Дверь закрылась. Оставшись один, Цюй Чэньчжоу висел под балкой, уставившись в лунный свет на оконной бумаге.

Волны боли и онемения от запястий до плеч накатывали приступами, делая каждую свежую отметину от плетей еще более ощутимой. Но именно эта боль давала ему самое острое чувство — чувство, что он жив.

Наконец у него появилось время обдумать всё произошедшее.

Его прошлая жизнь при дворе в должности астролога точно не была сном — каждый мучительный день и ночь стояли перед глазами, выжженные в памяти.

Но сейчас он действительно существовал — не только вернулся в юность, но и, кажется, встал на иной путь.

Он не стал гадать Пань Хэ, и теперь тот не представит его ко двору.

Неужели Небеса сжалились над ним, даровав второй шанс?

Или это наказание за былые прегрешения — заставить вновь пройти через унижения рабства, чтобы искупить вину?

Но как бы то ни было — он жив.

Даже если это казалось невероятным, его тело не обманешь. Если в этом мире существует такой монстр, как он, то что вообще невозможно?

Цюй Чэньчжоу стиснул зубы, но не мог сдержать мелкую дрожь в теле.

Он не смеялся искренне и не проливал слез уже много лет. Для всех окружающих он был бесчувственным демоном.

Теперь же он мог наконец дать волю рыданиям — по мучительному прошлому, по несвободной прежней жизни, по неведомому будущему.

И по своему новому рождению.

Тихие всхлипы разрывали тишину темницы, став первым за долгие годы освобождением.

Неизвестно, сколько он плакал, но в конце концов погрузился в забытьё.

На следующее утро задний двор опустел — почти все отправились на празднества.

Сегодня был давно назначенный благоприятный день — свадьба молодого хозяина башни Цишэн.

Хотя вчера и разгневали евнуха Пана, менять дату торжества не стали. Теперь придется приложить ещё больше усилий, чтобы загладить вину перед ним.

Неудивительно, что Ду Цюань пришёл в такую ярость.

Цюй Чэньчжоу помнил этот день.

В прошлой жизни он удачно погадал Паню, свадьба прошла без помех, и хозяин даже выводил его к гостям напоказ.

Тогда он сгорал от стыда под оценивающими взглядами. Теперь же понимал — какие это были пустяки.

Горькая усмешка мелькнула у него в душе, пока он старался расслабить тело.

После дворцовой жизни он предпочёл бы висеть здесь под ударами.

Но раз события с Пань Хэ пошли иным путём, возможно, у него появился шанс избежать прежней участи.

К полудню до заднего двора донеслись праздничные звуки.

Подобные церемонии при дворе случались бессчётное количество раз, но в последние годы он редко появлялся на них.

Чаще сидел в темноте, слушая доносящуюся издалека музыку.

После полудня управляющий Линь в сопровождении доверенного слуги поспешно вошёл в кладовую.

Свадебный кортеж уже прибыл, пиршество было в разгаре. Воспользовавшись передышкой, управляющий поспешил проведать юношу, провисевшего здесь почти сутки. Ему удалось выпросить у хозяина снисхождение, пока тот был в хорошем расположении духа.

За это время тело Цюй Чэньчжоу почти полностью онемело. Когда верёвки ослабили, его ноги подкосились, и он рухнул на пол.

Управляющий Линь, знавший его с детства, но бессильный во многих вопросах, приказал постелить принесённые одеяла.

— Чэньчжоу, на празднике сейчас многолюдно. В таком виде тебя выпускать нельзя — хозяин разгневается. Отдохни здесь, а вечером я велю отнести тебя в комнату.

— Благодарю господина Линя, — прошептал Цюй Чэньчжоу, с трудом устроившись на подстилке. Он выпил поднесённое вино — подарок хозяина по случаю торжества.

Напиток был некрепким, но на пустой желудок вызвал жгучую боль.

К счастью, управляющий Линь тайком принёс еды, велел никому об этом не говорить.

Цюй Чэньчжоу, не в силах подняться, едва смог поблагодарить. Управляющий ушёл, закрыв за собой дверь.

От голода юноша забыл обо всём, жадно вцепившись в еду. Остатки холодных блюд были невкусными — привыкший к изысканной пище, он поперхнулся.

Едва проглотив кусок, он услышал за дверью голос господина Линя:

— Шицзы, добрый день! Что привело вас сюда? На празднике сейчас самое веселье. Может, что-то не по нраву?

— Шумно. Второй брат предложил прогуляться, — ответил голос, явно принадлежавший не самому шицзы.

Управляющий Линь заулыбался:

— Здесь ничего интересного. Может, проводить вашу светлость и молодого генерала к озеру? Там тихо и воздух свежий.

— Не надо, — раздался другой голос. — А где тот странный ребёнок с разными глазами? Почему его не видно?

Дыхание Цюй Чэньчжоу застряло в горле.

Услышав обращение "шицзы", он сразу должен был догадаться, кто пришёл. А тот "молодой генерал" — не кто иной, как Бай Шилэй, который в прошлой жизни в павильоне Звезд поднёс ему кубок с ядом, лишивший его голоса.

<http://bllate.org/book/15643/1398425>